

Он, честно говоря, уже порядочно устал от Гершомы, когда объявился этот курьез. Семь лет — это долгий срок для человека на любом жизненном пути. Семь лет, на протяжении которых он жил и работал в грязных неблагоустроенных квартирах, захолустных мотелях и жилищах на окраинах цивилизации, разбросанных по всей планете. Достаточно долго, чтобы чувствовать себя туземцем и, конечно, выглядеть как один из них, хотя от места рождения его отделяло сорок два года и много миллионов астрономических единиц.

Покрытый заплатами камвольный костюм с блестящими, протертыми рукавами, синевато-серый непромокаемый плащ, кожаные перчатки без пальцев, очки с проволочными дужками; лицо побледнело, повидав слишком много кратких зимних дней, редкие волосы стали неестественно черными от химического красителя, который он сам покупал и использовал каждые две недели. Этот бесцветный, одинокий человек разглядывал собственное отражение в затемненном стеклянном экране демографической будки.

— Предъявите документы. Назовите имя и род занятий, — сказала плохо различимая фигура за стеклом. Все, что она говорила, появлялось на экране в виде светящихся печатных голо-букв.

Он вложил помятые бумаги в металлический выдвижной ящик под экраном, и тот поглотил их с лязгом несмазанного механизма. Наклонившись, он с готовностью приблизился губами к решетке вокса и произнес:

— Валентин Драшер, магос биологис.

— Цель путешествия? — спросил голос, по — прежнему сопровождаемый субтитрами.

— Как уже сказал, я — магос биологис. Обратите внимание, у меня есть разрешение на поездку во Внешний Юдар с печатью канцелярии лорда-губернатора. Я работаю на него.

Фигура за темным стеклом помедлила, а затем на экране появилась надпись «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ». Делая, как сказано, Драшер отступил назад и начал энергично потирать ладони друг о друга, чтобы согреть их.

Было до отвращения раннее утро одного из последних дней осени, и терминал был пуст. На улице еще не рассвело; небо местами голубело, как зимнее оперение тарконила из Таркони, и резкий оранжевый свет натриевых фонарей отражался в лужах на скользкой от дождя пассажирской платформе. Драшер рассматривал отражения, и они напоминали ему флюоресцентные полосы на брюшке моли-светляка из южных широт, *Lumenis gershomi*.

Выдвижной ящик снова лязгнул, открываясь. Заново сложенные документы лежали внутри.

— Проходите, — сказал голос.

Драшер забрал документы, собрал сумки и футляры с оборудованием и пошел в зону посадки, чтобы найти себе место в межпровинциальном дилижансе.

Это было несложно. Салон переоборудованного военного греф-транспорта с Полуострова был практически пуст. Старушка в фиолетовой шали сидела в одиночестве, перебирая бусины четок и читая потрепанную душеспасительную книжку. Уставшая, строгая на вид молодая мать занимала другую скамью, в ее юбках копошились двое маленьких детей. Одетый в кожаный комбинезон батрак с грубым лицом качал головой в полусне, защищая одной рукой корзины с живыми, клекочущими домашними птицами, с которыми он делил сиденье. Его поджарая скалящаяся гончая рыскала по салону. Двое парней-близнецов сидели бок о бок, совершенно не двигаясь. Драшер сел в передней части транспорта, вдали от всех остальных. Он прогнал собаку, когда та подошла обнюхать его сумки.

Прозвучал гудок, ненадолго разбудив рабочего. Большие, забранные решетками пропеллеры стали вращаться, накачивая воздух, и залатанные резиновые воздушные подушки, подпирающие массивный транспорт, начали раздуваться. Драшер почувствовал, как они поднимаются, покачиваясь, будто пьяные. Один ребенок весело засмеялся, когда машина задрожала, набирая скорость.

Затем они отъехали от терминала и с ревом помчались по государственной трассе, выбрасывая струи выхлопа в предрассветный туман.

Внешний Юдар, самая западная и, как многие говорили, самая дикая из провинций Гершомы, лежала далеко за Тартредовыми горами, в сорока часах пути отсюда.

Первые час или два он работал над своими записями, шлифуя технические описания на инфопланшете. Это были чисто косметические изменения. Он уже проделывал это сотни раз, и классификацию давным-давно следовало опубликовать как полную. Полную, за исключением лишь этого курьеза.

Он отложил планшет в сторону и вытащил из кармана мятую воксграмму, надеясь, что это все-таки была ошибка.

Семь лет! Семь чертовых лет кропотливой работы. Пропустить подформу клещемухи, необычного долгоносика, даже разновидность грызунов — все это было бы вполне в порядке вещей. Даже какое-нибудь травоядное, думал он, если оно обитало только в одном месте и было достаточно пугливо.

Но хищника высшего порядка? Нет, конечно же нет. Любая систематическая классификация выявляла всех высших хищников еще на начальной стадии формирования, благодаря тому простому факту, что они были наиболее заметными существами на любой планете.

Нет, это ошибка. Курьез из Внешнего Юдара, должно быть, просто недоразумение. Он бы поставил на это свою репутацию.

Движение грёф-дилижанса начало убаюкивать его. Он заснул, и ему снились характерные ротовые части фильтровых змей, перистые усики, типичные для низинной саранчи, и мощные покрытые бороздками клювы полуостровных лузгачей.

Он проснулся от звука детского смеха. Дилижанс не двигался, и по серым окнам бил дождь со снегом. Моргая, он сел и поправил сползшие на нос очки. У его ног сидели двое детей, которые разложили перед собой открытые альбомы с набросками и смеялись, рассматривая нарисованных от руки животных и птиц.

— Пожалуйста, — попросил он, — будьте с ними поосторожнее.

Дети уставились на него.

— Книжки про животных! — сказал один из них.

— Да, — ответил он, забирая альбомы из чумазых рук и закрывая их.

— Откуда у тебя книжки про животных?

— Я их пишу, — ответил Драшер.

Они задумались над этим. Их простые представления о профессиях не простирались настолько далеко. Один подтолкнул другого локтем.

— А ты напишешь в своих книжках про зверя? — спросил тот, кого толкнули.

— Зверя? — переспросил Драшер. — Какого зверя?

— Зверя с холмов. У него зубы.

— Большие, огромные зубы.

— Он ест людей.

— И свиней.

— И свиней. Своими большими огромными зубами. У него нету глаз.

— А ну, уйдите оттуда! — крикнула им мать, и дети помчались к ней по проходу.

Драшер осмотрел салон. С тех пор, как он его видел в последний раз, ничего не изменилось. Сельский работник все так же дремал, старая женщина продолжала читать. Единственное, что близнецы теперь сидели лицом друг к другу, будто отражаясь в зеркале.

Двери отворились, и вместе с хлопьями мокрого снега внутрь ввалились несколько новых лиц. Сервитор-демограф в черной мантии, лицо которого представляло собой гроздь трубок, вяло свисающих под фасеточными глазами. Коротковолосая женщина в облегающем кожаном костюме и меховой куртке, несущая сверток в коричневой бумаге. Еще один работник с обмороженным лицом, пытающийся удержать длинношерстного терьера, который норовил цапнуть гончую, бродившую по салону. Пожилая учительница прогениума в длинном сером платье. Женщина с короткими волосами помогала ей нести багаж.

— Леофрик! Это Леофрик! — оповестил сервитор, входя в салон. — Предъявите документы!

Каждый путешественник отдал ему свои бумаги для сканирования. Гершом уделял большое внимание своим жителям — побочный эффект пребывания рядом с зоной военных действий. Демографический Департамент неусыпно следил за перемещениями людей по планете.

Сервитор, из ротовых трубок которого сочилась лишняя слюна, довольно долго рассматривал документы Драшера.

— Магос биологис?

— Да.

— Цель путешествия?

— Я все это уже говорил утром, в терминале.

— Цель путешествия?

Драшер вздохнул.

— Семь лет назад меня нанял лорд-губернатор Гершом, чтобы я составил подробную классификацию фауны планеты. Она почти что завершена. Однако некое неизвестное существо появилось во Внешнем Юдаре, и я еду туда, чтобы изучить его.

Драшер хотел продолжить. Рассказать о том, как ему приходилось просить отсрочки предельного срока, о все более неохотном финансировании проекта, из-за которого он вынужден был ехать по суше вместо того, чтобы лететь чартерным рейсом, о смехотворном

предположении, что он упустил высшего хищника.

Но демографического сервитора это не интересовало. Он вернул Драшеру документы и зашагал прочь.

Тем временем коротковолосая женщина заняла место напротив него. Она улыбнулась Драшеру. Лицо у нее было худое и жесткое, с маленьким шрамом, идущим вверх от левого угла губ. Глаза — поразительного янтарного цвета, словно фотолюминесцентные клетки.

Тем временем коротковолосая женщина заняла место напротив него. Она улыбнулась Драшеру. Лицо у нее было худое и жесткое, с маленьким шрамом, идущим вверх от левого угла губ. Глаза — поразительного янтарного цвета, словно фотолюминесцентные клетки.

Драшер отвел взгляд в сторону.

— Магос биологис? — спросила она.

— Да.

— Я нечаянно подслушала.

— Я так и думал.

Сервитор покинул транспорт. Накренившись, будто на морской волне, грёф-дилижанс поднялся и снова двинулся в путь.

— Мне сказали, что вы скоро прибудете, — сообщила она.

— Что?

Женщина запустила руку за пазуху меховой куртки — из высокогорной лисы, если он не ошибался — вытащила бумажник и развернула его, показав золотой значок внутри.

— Жермен Мэкс, областной арбитр.

— Вы ждали меня, офицер?

— Просочилась информация из офиса губернатора. К нам едет эксперт. Я, разумеется, заинтригована. Самое время. Так вот, какой у вас план?

— План?

— Что вы собираетесь делать?

Драшер пожал плечами.

— Полагаю, что я изучу его среду обитания, поищу следы, сопоставлю данные и сделаю хороший пикт, а то и два, если смогу... — его голос постепенно затих. За семь лет ни одно должностное лицо не проявляло такого интереса к его работе.

— А как вы намерены его убить? — спросила она.

— Убить? — переспросил он.

— Да, — подтвердила она с усмешкой, как будто продолжая его шутку. — В этом весь смысл.

— Я не собираюсь его убивать. Мне не нужен образец. Надо только сделать описание для классификации, — он похлопал по пачке тетрадей.

— Но вы должны его убить, — сказала она, явно не шутя. — В смысле, если не вы — то, черт возьми, кто?

При свете огромного камина барон Карнэ произнес пространную речь, тянувшуюся несколько минут.

— Лорд-губернатор — мой близкий друг, друг с самого детства, и когда он объявляет, что такой ученый, как вы, едет в мои владения, я сделаю все, чтобы оказать ему гостеприимство. Спросите, чего желаете, магос, и вы это получите. Любую услугу, по любому требованию. Я буду рад ее предоставить.

— С-спасибо, барон, — смущенно произнес Драшер. Он оглядел комнату. Головы-трофеи, увенчанные огромными ветвистыми рогами и оскалившие клыки, зловеще вырисовывались на фоне темных стен. Снежная буря колотила в стекла, обрамленные свинцовыми переплетами. Внешний Юдар был холоднее, чем он смел представить.

— Мне кажется, могла произойти ошибка... — рискнул сказать Драшер.

— Как это?

— Сэр, я зоолог-систематик. Человек науки. Моя сфера деятельности — каталогизирование видов фауны. Лорд-губернатор — ваш друг детства, как вы сказали — поручил мне составить

полный список животных, обитающих на Гершоме. Я приехал сюда для того, чтобы... ну, похоже, что здесь есть некий редкий зверь, которого я пропустил. Хищник. Я здесь для того, чтобы определить его место в классификации, а не убить его. Я не охотник.

— Не охотник?

— Ни в коем разе, сэр. Я делаю зарисовки, изучаю, каталогизирую.

Барон склонил голову.

— Вот так, значит... Неужели?

— Мне правда жаль, сэр.

Он посмотрел на дверь, ведущую в обеденный зал. Она была приоткрыта, и из нее косо падал свет.

— Что я им скажу? — спросил барон.

Драшер в отчаянии почувствовал, что теряет почву под ногами.

— Если ваши гости... если уж надо сохранить лицо — я, пожалуй, могу подыграть.

За длинным, освещенным свечами столом, восседало девятнадцать местных лэрдов и их жен, пухлый епископ Юдара и человек с квадратной челюстью, песочно-белыми волосами и пронизывающим взглядом. Звали его Скох. Драшер точно не знал, кем был Скох. Впрочем, он и так больше ни в чем не был уверен. Барон представил его как «того эксперта из города, которого я обещал».

— Так вы известный охотник? — спросил епископ.

— Нет, ваше святейшество. Я обладаю некоторыми профессиональными знаниями по части животных.

— Прекрасно, прекрасно. Скох тоже так говорит, но прошло уже три месяца — и что?

— Этого зверя нелегко поймать, ваша честь, — мягко сказал Скох. — Я бы с радостью выслушал советы эксперта. Какое оружие вы предпочитаете, магос? Экспансивные пули или дробь? Используете наживку? Предпочитаете стрелять из укрытия?

— Я... э... пользуюсь различными методами, сэр. По ситуации.

— Правда, вы ужасно боитесь? — спросила одна из женщин.

— Никогда не следует недооценивать добычу, леди, — сказал Драшер, надеясь, что произнес это с достаточным чувством долга и осторожностью.

— Говорят, у него нет глаз. Как тогда он находит жертву? — спросил епископ.

— По запаху, — решительно заявил Драшер.

— Это не так, — отрезал Скох. — Мои ловчие используют герметичные костюмы, закрывающие все тело. Из них не может выскользнуть ни капли феромонов. И все же оно их находит.

— Действительно, — произнес Драшер, — этого зверя нелегко поймать. Когда его последний раз видели?

— Тринадцатого числа, — ответил барон. — На дороге вдоль холмов, где он унес со двора горничную из надела лэрда Коннока. Мои люди прочесали леса в поисках зверя, однако ничего не нашли. До этого был убит свинопас в Карле. Водонос на Перекрестке Сонта. Двое загулявшихся допоздна мальчишек у Лаэровой межи.

— Вы забыли моего слугу, — сказал один из лэрдов, — как раз перед убийствами у Межи.

Барон кивнул.

— Прошу прощения.

— Этот зверь — пагуба земли нашей, — заявил епископ. — Говорю вам всем, это пятно Хаоса. Мы должны сплотиться вокруг святой аквилы и отринуть тьму. Существо явилось, чтобы испытать нашу веру.

Люди за столом согласно зашептались.

— Вы — верующий человек, магос? — спросил епископ.

— Несомненно, ваше святейшество.

— Вам надо завтра прийти на службу в моем храме. Я бы хотел благословить вас, прежде чем вы начнете свою кровавую работу.

— Спасибо, ваше святейшество, — ответил Драшер.

Дверь наружу распахнулась, отчего пламя всех свечей дернулось под порывом ветра, и внутрь вбежал слуга. Он что-то зашептал на ухо барону, тот кивнул, и слуга поспешил обратно. Через мгновение на пороге показалась арбитр Мэкс с дробовиком на плече; с ее одежды капало на пол. Значок был теперь пришпилен к отвороту кожаного костюма.

Она оглядела помещение, задержавшись на лице Драшера.

— Представитель, — сказал барон, поднимаясь из кресла, — чем мы обязаны подобным вторжением?

— Еще одно убийство, господин, — сказала она. — На птицеферме.

Большой участок земли к северу от продуваемой сквозняками крепости барона Карнэ представлял собой низменную полосу болотистой почвы, отведенную под разведение домашней птицы. Благодаря свету мерцающих ламп Драшер мог разглядеть сквозь хлещущий дождь ряды сараев, выстроенных из водостойкой фанеры и проволоки.

Сильно пахло илом и птичьим пометом.

Драшер следовал за бароном и Мэкс по выложенным досками тропам, окруженным живой изгородью из дрока. С ними шли трое хускарлов барона, с их кривых садовых ножей свисали, покачиваясь, фонари. Погода была ужасная. От ледяного дождя щеки Драшера онемели, и он с тоской подумал, плотнее запахивая старый непромокаемый плащ, как бы ему хотелось иметь шляпу и теплую куртку с лисьим мехом, как у Мэкс.

Послышался странный неровный звук, едва различимый за барабанной дробью дождя. Драшер понял, что это возбужденное кудахтанье тысяч домашних птиц.

Они достигли птичников и устало потащились по огороженному рабицей настилу между первыми двумя рядами сараев. Несмотря на дождь, затхлая вонь лежалого птичьего помета усилилась. Проволочные решетки были усеяны комками белых перьев. Мэкс что-то сказала барону и указала пальцем. Впереди описывал круги луч фонаря. Это был один из младших арбитров Мэкс, молодой человек по имени Люссин, как было написано на значке, прикрепленном к его стеганой куртке. Он выглядел взволнованным и явно радовался тому, что наконец увидел людей.

Дверь в один из птичников была открыта, и Мэкс посветила внутрь фонарем. Драшер мельком увидел перья и какой-то металлический цилиндр, лежащий на полу.

Вслед за бароном и Мэкс он вошел в птичник.

Он раньше никогда не видел мертвых тел, если не считать дядю Рудигера, который умер, еще когда Драшер был мальчишкой. Вся семья явилась в зал прощания, чтобы отдать дань

уважения покойному, и дядя Рудигер выглядел как обычно. Как будто спал. Драшер с детской наивностью ожидал, что он вскочит и рассмеется всем в лицо. Дядя Рудигер был большим любителем розыгрышей.

Тело, лежащее в птичнике, не собиралось ни вскакивать, ни вообще что-то делать. К счастью, лица видно не было. Конечности нелепо раскинулись под неправильными углами, так что становилось ясно: розыгрышем это быть никак не могло.

Очевидно, это был один из работников фермы барона — йомен по имени Калкен. Вечером он кормил птиц, и металлический цилиндр, который увидел Драшер, был емкостью для зерна. Она лежала там, где Калкен ее выронил, в куче рассыпавшегося корма.

Очевидно, это был один из работников фермы барона — йомен по имени Калкен. Вечером он кормил птиц, и металлический цилиндр, который увидел Драшер, был емкостью для зерна. Она лежала там, где Калкен ее выронил, в куче рассыпавшегося корма.

Мэкс опустилась на колени рядом с телом. Она посмотрела на Драшера и сделала легкое движение головой, означавшее, что, возможно, ему следует выйти. Драшер бесстрашно сунул руки в карманы и остался стоять на месте. Пожав плечами, Мэкс перевернула тело.

— Вы в порядке? — спросила Мэкс.

— Что?

— Вы в порядке?

Драшер открыл глаза. Он не помнил, как выбрался из птичника, но сейчас он опять был снаружи, под дождем, опираясь на стену противоположного сарая и так сильно сжимая руками проволочную решетку, что они закровоточили.

— Магос?

— Д-да, — с запинкой произнес он, — со мной все хорошо.

Он подумал, что, наверное, никогда не забудет то, что только что увидел. Ужасный звук, с которым перевернулось тело. И то, что приличная часть его при этом осталась лежать на грязном полу.

— Сделайте несколько глубоких вдохов, — сказала она.

— Я действительно хорошо себя чувствую.

— Вы выглядите бледным.

— Я всегда бледный.

Она пожала плечами.

— Вы можете оставаться здесь, — добавила она, хотя Драшер чувствовал, что это было сказано скорее не от сочувствия к его нервам, а больше потому, что она знала — особой пользы от него нет. — Я пойду, сделаю кое-какие заметки на месте.

— Там были укусы, — сказал он.

— Да, — ответила Мэкс. — По крайней мере, я так думаю.

— Измерьте их. И поищите в местах укуса постороннее вещество. Фрагменты зубов, которые могли остаться в кости. Что-то подобное.

— Хорошо, — сказала она и отвернулась.

— Как оно проникло внутрь? — крикнул он ей вслед.

— Что?

— Как оно забралось внутрь? Дверь была открыта?

— Нет. Она была закрыта за ним, когда мы его нашли.

— Можно, я одолжу фонарь?

Мэкс взяла светильник у Люссина и передала Драшеру. Потом она пошла обратно в сарай, чтобы вместе с бароном как следует изучить ужасную находку.

Драшер начал двигаться вдоль ряда сараев, светя фонарем сквозь решетки по обеим сторонам.

— Не отходите слишком далеко, сэр! — крикнул ему один из хускарлов.

Драшер не отвечал. Он хотел отойти так далеко, как только мог. Быть рядом с этим кровавым, расчлененным месивом — от этой мысли его пробирала дрожь. Он вспотел, несмотря на зимний ветер.

Пройдя десять метров, почти у самого конца ряда он обнаружил, что в сетчатой крыше одного из сараев была проделана огромная дыра. Драшер поводит туда-сюда фонарем. Он был у забора, окружающего птицеферму, трехметровой деревянной изгороди, по верху которой тянулось несколько жил электризованной колючей проволоки. Не было видно ни дыры в заборе, ни повреждений, нанесенных устрашающей проволоке. Неужели зверь перескочил ограду? Впечатляющий прыжок. В густой грязи у ног не было никаких следов. Дождь размыл ее в кашу.

Он вошел в поврежденный птичник и осмотрел разорванную рабицу. Дождь начал лить ему в лицо, когда он потянулся вверх и подтянул часть ее к себе, чтобы внимательнее изучить края сетки под светом фонаря.

Она не была порвана. Ее разрезали очень чисто — крепкие металлические жилы были попросту перерублены. Что могло это сделать? Конечно, не зубы — даже если они могут откусить переднюю часть лица и туловища человека. Возможно, силовой клинок — но он бы оставил следы окисления и термического воздействия.

Насколько он знал — и на Гершоме не было человека, который знал бы лучше — на планете не было животного, способного перескочить трехметровую изгородь и рассечь укрепленную проволочную сеть.

Драшер вынул компактный цифровой пиктер, который всегда носил с собой, и сделал несколько снимков рабицы, чтоб было на что ссылаться. Оно проникло через крышу, подумал он. Если верить фактам, то, видимо, приземлилось на нее, перепрыгнув через забор, прорезало себе вход внутрь и... и что дальше?

Он осмотрелся. Накрытый досками конец сарая, где находились птицы, был темен и не предвещал ничего хорошего.

Внезапно он осознал, что оно — чем бы это ни было — все еще могло быть здесь.

Драшер ощутил в равной степени ужас и чувство собственной глупости. Он так хотел убраться подальше от этого жуткого тупа и доказать свою полезность, что от него ускользнуло совершенно очевидное.

Оно было здесь. Оно было прямо тут, в тених птичьих клеток. В тот же миг, когда эта мысль проникла в его мозг, она стала неоспоримым фактом. Оно действительно было здесь, невидимое во мраке, негромко дышало, взирая на него безглазой мордой, сжимаясь в пружину, чтобы наброситься.

Драшер попятился к решетчатой двери и попытался нащупать защелку. Он уже слышал его — шелест соломы, хруст засохшего помета на деревянном полу.

Боже-Император, он сейчас...

— Драшер? Трон Золотой, я вас едва не застрелила! — из птичника вышла Мэкс, на ее мокрые волосы налипла солома. Она опустила дробовик. — Что вы тут делаете?

— Я... искал... следы... — ответил он, пытаясь утихомирить колотящееся сердце, и показал на дыру, прорванную в крыше.

— Тогда это вам понравится, — сказала она и повела его в зловонную темноту сарая.

Пол был усыпан мертвыми птицами, к штукатурке стен прилипли окровавленные перья. Запах потрохов был настолько силен, что Драшера затошнило.

Мэкс посветила фонарем в стену в конце помещения и показала ему дыру, пробитую в досках.

— Оно проникло внутрь и двинулось прямо сквозь ряды сараев, пробивая каждую разделительную перегородку, пока не добралось до Калкена, — сказала она. Мэкс вернулась по его маршруту и наткнулась на Драшера. Пробоины были достаточно велики, чтобы она могла в них пройти

— Убило все на своем пути, — сказала она. — Сотни птиц, сидевших на насестах.

— Но ничего не съело, — заметил он, с трудом преодолевая тошноту. — Оно рвало или кусало, прокладывая себе путь, однако я не вижу, чтоб оно что-то ело.

— Это важно? Почему? — спросила Мэкс.

Драшер пожал плечами. Он заснял пиктером дыры в досках, а потом попросил ее подержать светильник, пока фиксировал размеры каждого отверстия при помощи лазерного измерителя.

— Вы кому-нибудь рассказали?

— Что?

— Правду обо мне. О том, кто я на самом деле.

Она помотала головой.

— Не видела в этом смысла.

— Барон знает, — сообщил он ей.

— Ясно.

Снаружи слышались шаги, и Мэкс с Драшером вышли из сарая. Под дождем по настилу к ним шагал Скох. Он переоделся в костюм, защищающий от ненастья, и вооружился чем-то похожим на автолазер, хотя Драшер не слишком хорошо разбирался в оружии. У этой штуки был большой хромированный барабан, и она была такая тяжелая, что ее поддерживала гиросбруя, закрепленная вокруг туловища. Линза ауспика-целуказателя закрывала его правый глаз, будто повязка.

— Вы видели труп? — спросила она у него.

— Да. Мои люди прочесывают лес за оградой.

— Оно прошло прямо сквозь них, — сказала она, показывая на ряд сараев.

Скох кивнул и посмотрел на Драшера, словно ожидая от него некоего профессионального озарения. Поскольку его не было, Скох без лишних слов покинул их и пошел дальше.

— Кто он? — спросил Драшер.

— Фернал Скох? Это вольный охотник. Специалист по дичи. Его, вместе с его людьми, наняла община, когда стало ясно, что мне эта работа не по плечу, — в ее голосе слышалось явное презрение.

— Епископ о нем невысокого мнения, — сказал Драшер.

Мэкс ухмыльнулась.

— Епископ обо всех невысокого мнения. Скох пока не добился особых успехов, несмотря на свою хваленую репутацию. Кроме того, у епископа для этого дела есть свой человек.

— Свой человек?

— Гандакс. Вы с ним скоро встретитесь. Он — телохранитель епископа. Суровый тип.

— Разве епископ не верит, что Скох выполнит свою работу?

— Не думаю, что вообще кто — то в это еще верит. Барон грозит, что не выплатит Скоху его жалованье. В любом случае, этот человек не из тех, что нравятся епископу.

— Как это?

— Скох — безбожник, по словам его святейшества. В прошлом он занимался кровавым спортом. На Имперских Аренах Фустатракса.

Сон Драшера нарушали жуткие образы трупов, которые оставляют на земле дымящиеся куски, когда их переворачивают. Перед самым рассветом он оставил попытки нормально отдохнуть и встал с постели.

Ему предоставили комнату на верхнем этаже крепости. Было ужасно холодно, и ветер с дождем колотили по плохо задвинутым ставням. Драшер оделся, включил сферический светильник и немного поддал жару в портативный обогреватель. При свете сферы он разложил свои принадлежности и альбомы по столу и начал изучать их, чтобы отвлечься.

На Гершоме не было ни одного сухопутного хищника, который хотя бы приблизительно подходил под эти признаки. Степные волки с западного континента, *Lupus cygnadae gershomi*, были достаточно прожорливы, но обладали психологией стайных животных и едва ли стали бы охотиться в одиночку. Огромная пятнистая кошка, обитающая в тайге Полуострова и, как ни прискорбно, близкая к вымиранию, обладала достаточным размером и мощностью и могла запросто перескочить ограду, но ни ей, ни степному волку не удалось бы так расцечь рабицу. И любой из этих зверей съел бы труп.

Кроме того, Мэкс поделилась с ним своими неразборчиво записанными наблюдениями. Она не нашла никаких посторонних веществ в ранах несчастного йомена, но зато измерила радиус укуса. Пятьдесят три сантиметра. Пятьдесят три!

Волчья пасть этой и в подметки не годилась. Наибольший радиус, который когда — либо измерял Драшер, равнялся тридцати семи, и тот принадлежал черепу из музея Полуострова. Все самые крупные кошки уже давно вымерли.

Единственным существом с пастью подобного размера была *Gnathocorda maximus*, огромная рыба из глубин океана. Но ведь это Внешний Юдар. Здесь нет ни волков, ни лесных кошек, ни, тем более, акул.

Он посмотрел на пикты дыр, сделанных в стенах птичников. Из-за торчащих повсюду обломков сложно было точно сказать, но выглядели они так, будто каждая стена была прорублена двумя ударами, нанесенными одновременно, по диагонали сверху вниз. Как будто кто — то ударил крест-накрест двумя мечами.

И к чему были все эти разговоры про отсутствие глаз?

У Лиамы Гандакса были темные, близко посаженные глаза. Это был высокий и крайне мускулистый человек с раздвоенной бородой и черными волосами, заплетенными в косу. Драшер чувствовал запах его пота, похожий на запах животного.

— Ты кто и что тебе надо?

День только начался. Дождь перешел в изморось, и над темной землей висело серое небо. Внешний Юдар являл собою широкий край скалистых высокогорий и черных лесов под давящим небосклоном.

Драшер пришел к собору, однако вход в неф ему загородил этот гигант, закутанный в меха. Человек епископа носил бусы и браслеты, тяжело свисавшие под весом полированных камней, амулетов, имперских символов и звериных зубов.

— Гандакс! Отойди! — послышался голос епископа, будто отзывавшего собаку. Он показался из-за спины Гандакса, когда тот отступил.

— Драшер, дитя мое! — приветствовал его епископ. — Не обращайтесь внимания на моего негодяя. Это магос биологис, о котором я тебе говорил, — сказал он Гандаксу.

Гандакс отрывисто кивнул, хрустнув кожаным комбинезоном. Бусины-амулеты застучали друг о друга.

— Пойдемте, — сказал епископ Драшеру.

Бок о бок они побрели по нефу. Драшер несколько раз выразил свое восхищение величественной архитектурой храма и великолепными витражами.

— Это нелегкий приход, — промолвил епископ. — Нелегкий и суровый, на самом краю мира. Я, конечно, не жалуюсь. Я служу Богу-Императору, каких бы усилий он от меня не требовал. И это место не хуже, чем любое другое.

— Император защищает, — сказал Драшер.

— Похоже, что здесь, в эти дни, его защита не так уж сильна, — ответил епископ. — Это ослабляет веру. Я потратил много времени и сил, внушая добродетель и веру закаленным людям этой скудной земли, а этот зверь... он высасывает все до последней капли.

— Это должно быть трудно, ваше святейшество.

— Жизнь трудна. Мы в состоянии выдержать испытания. Но, дорогой мой магос, я опасаюсь за духовную жизнь местных жителей почти так же, как боюсь за их кровь и плоть. Это существо... эта тварь... оно — не просто животное. Это испытание веры. Посланец хаоса. Ибо то, что он беспрепятственно бродит здесь, говорит, что и неверие может бродить подобно ему. В каждой своей проповеди я веду речь об этом. Зверь — знак того, что мы ослабели и дали скверне проникнуть в наши души. Чтобы убить, чтобы изгнать его, нам прежде следует заново укрепить нашу веру в Золотой Трон.

— Вы говорите так, будто это просто, ваше святейшество.

— Разумеется, это не так просто! Но этот зверь может быть тайным благословением. В конечном итоге. Если он заставит нас возродить свою веру и упования на абсолютную святость аквилы, я, со временем, вознесу ему хвалу. Только пред ликом истинного бедствия паства может сплотиться.

— Я восхищен вашим пылом, епископ.

— Так что... есть ли у вас какие — либо зацепки? Какие-то идеи, как эксперта?

— Пока нет, ваше святейшество.

— Что ж, прошло не так много времени. Подойдите, дайте мне благословить вас и ваше дело.

— Ваше святейшество? Один вопрос.

— Да, магос? — весело спросил епископ, остановившись.

— Вы сказали, что у зверя нет глаз. Фактически, это похоже на широко распространенное убеждение, — Драшер помедлил, вспоминая слова ребенка в дилижансе.

— Совершенно верно, нет! Нет глаз — так и говорят.

— Кто, ваше святейшество?

Епископ замялся.

— Ну, кто же, народ Внешнего Юдара. Это все, что они знают о нем.

— Я так понял, что никто не видел это существо вживую. В смысле, видел и выжил после этого.

Священник пожал плечами.

— Правда?

— Я знаю, что очевидцев нет. Никто не может хоть как-то описать его. Никто не знает, какой оно формы и какого размера. Конечно, можно делать догадки. Мы знаем, что у него есть зубы, из-за ран, которые оно наносит, и, исходя из этого, можно примерно вычислить размер пасти. Мы знаем, что оно достаточно небольшое, чтобы пробраться через дыру подходящего для человека размера. И, как я предполагаю, у него есть изрядного размера когти с острыми режущими кромками. Но, кроме этого, уверенности нет ни в чем — ни в облике, ни в природе зверя. И все же... все знают, что у него нет глаз. С чего бы это, как вы думаете?

— Пустая болтовня, — улыбнулся епископ. — Разговоры в тавернах, байки у камина. Знаете, люди вечно придумывают что-то, особенно когда ничего не знают и боятся. Я уверен, что у него есть глаза.

— Понятно, — сказал Драшер.

— Теперь подойдите и примите мое благословение.

Драшер претерпел краткий ритуал благословения. Лучше от него не стало.

— Я бы оценил вашу помощь, магос, — сказал Фернал Скох.

Драшер поднял от удивления брови и замешкался, затем впустил охотника в свои покои. Было уже за полдень, и с севера начал дуть ледяной ветер.

Скох, одетый в закрывающий все тело кожаный костюм, укрепленный кольчужными звеньями и сегментами пласталевой брони, вошел в обитель Драшера, выделенную ему бароном, и осмотрелся.

Драшер закрыл за ним дверь.

— Хотите выпить? — предложил он.

— Да, спасибо.

Драшер налил два стакана амасека из фляжки, взятой из багажа. Скох расхаживал по комнате. Он остановился у стола и посмотрел на разложенные всюду тетради, инфопланшеты и наброски. Скох аккуратно пролистал один из альбомов с зарисовками, рассматривая каждую акварельную иллюстрацию.

Драшер подал ему напиток.

— Хорошая работа, — сказал Скох, жестом выражая восхищение рисунками. — Поистине, у вас точная рука и верный глаз. Вот это травоядное здесь. Прямо как живое.

— Спасибо.

— Вы ведь не охотник, правда, Драшер?

Вопрос застал Драшера врасплох.

— Нет, — признался он.

— Это хорошо, — сказал Скох, потягивая напиток. — Я так и думал. Вы просто еще один глупец, которого втянуло в эту пакость.

— Я слышал, что вы работали на Имперские Арены.

Скох настороженно посмотрел на Драшера.

— Кто вам сказал?

— Представитель Мэкс.

Скох кивнул.

— Что ж, это так. Двадцать пять лет я работал на арену Фустатракса в качестве поставщика.

— И что вы делали?

— Мне платили, чтобы я путешествовал по самым диким мирам Империиума и собирал животных для боев на арене. Чем более странных и свирепых, тем лучше. Собирались целые толпы, если у нас было что-то... необычное.

— Что-то вроде этого зверя?

Скох не ответил.

— Это, должно быть, интересная работа. Опасная работа. Вот почему епископ не любит вас, да?

Скох чуть улыбнулся.

— Имперские Арены богопротивны, как утверждает его святейшество. Я работал на мирскую индустрию развлечений, наслаждающуюся кровопролитием и резней. Я для него ниже самого низкого. И в придачу — чужак.

— Чего вы хотите, Скох? — спросил Драшер.

— Барон говорит, что лишит меня платы, если я вскоре не убью зверя. Мне надо выдавать жалованье, принимать во внимание накладные расходы. Работа затягивается. Я могу убить это

существо, Драшер, но не могу его найти. Думаю, что вы можете. Помогите мне, и я отдам вам долю своего заработка.

— Меня не интересуют деньги, — сказал Драшер, пригубив амасек.

— Нет?

— Меня интересуют две вещи. Чтобы прекратились эти убийства, и подошла к концу моя работа. Меня наняли, чтобы произвести полную классификацию фауны этой планеты. А теперь, в последний момент, у меня, похоже, появился новый хищник высшего порядка. И если это так, то вся моя работа пойдет в тартарары. Работа семи лет, понимаете?

— Меня интересуют две вещи. Чтобы прекратились эти убийства, и подошла к концу моя работа. Меня наняли, чтобы произвести полную классификацию фауны этой планеты. А теперь, в последний момент, у меня, похоже, появился новый хищник высшего порядка. И если это так, то вся моя работа пойдет в тартарары. Работа семи лет, понимаете?

— Думаете, это высший хищник, которого вы пропустили?

— Нет, — сказал Драшер. — Ни капли. Были бы записи, предыдущие инциденты. Это либо уже известный хищник, который взбесился и начал вести себя нетипично, либо...

— Либо?

— Инопланетное существо.

Скох кивнул.

— Вы здесь всего день и так уверены?

— Да, сэр.

— У вас есть свидетельства в пользу этого?

— Оно не совпадает с чем-либо, с чем я сталкивался за последние семь лет. Оно не ест. Нет признаков того, что оно питалось или намеревалось это сделать. Оно просто убивает, убивает и снова убивает. Это поведение взбесившегося животного, хищника, который убивает не из-за голода. Или это поведение существа, чуждого этому миру. Можно задать вам пару вопросов?

Скох поставил пустой стакан на стол.

— Разумеется.

— Почему все говорят, что у него нет глаз? Откуда пошел этот слух?

— Все, что я могу сказать — это то, что отсутствие глаз — обычная деталь запугивающих проповедей, что читает епископ. Я полагаю, это он придумал такую гиперболу, и она превратилась в обыденный слух.

— Другой мой вопрос: вы знаете, что это за зверь, ведь так?

Скох посмотрел на него. Глаза пронизывали Драшера насквозь.

— Нет, — ответил он.

К рассвету следующего дня произошло еще одно убийство. Свинопас, живший за перекрестками, погиб ночью, и вместе с ним двадцать его черно-белых подопечных. Драшер отправился в эту редколесную местность со Скохом, Мэкс, Люссином и двумя наемными охотниками Скоха.

Воздух был холоден, и ледяной туман окутывал склон холма. Десять градусов ниже нуля. В загонах лежали вмерзшие в грязь тела свиней и свинопаса, и разлившаяся всюду кровь образовала подобные рубинам кристаллы.

Драшер остановил группу на крутом склоне, поросшем колючим кустарником, и выдал им патроны, которые подготовил этой ночью.

— Зарядите ими дробовики, — сказал он. — Боюсь, дальность будет невелика.

Мэкс и Люссин были вооружены стандартными дробовиками арбитров. Скох потребовал, чтоб его люди взяли помповые дробовики наряду с тяжелым вооружением. Оба охотника, как и сам Скох, были отягощены охватывающей туловище сбруей, поддерживающей массивные автолазеры.

— Что это? — спросил Люссин.

Драшер разломил патрон, чтобы показать. Внутри в липкой текучей суспензии находились маленькие хромовые шарики.

— Приборы слежения, — сказал он. — Миниатюрные устройства-ищейки. Действуют на расстоянии до двух тысяч километров. Я обычно использую их для кольцевания птиц. Кстати, я сделал карту миграций малого крапчатоклюва и фрегата *Tachybaptus maritimus* за три года, используя только эти...

— Уверена, вы здорово поработали, — перебила Мэкс. — Но может, уже продолжим?

Драшер кивнул.

— Я погрузил их в клейкое вещество. Если вы что-то увидите — что бы то ни было — сразу пометьте его.

Они поднялись по заросшему терновником склону и вошли в рощу — полосу земли, заросшую черными березами. Из-за тумана мир вокруг съёжился и помутнел. Невооруженным глазом можно было видеть лишь на двадцать метров. Голые, корявые черные деревья окружали их со всех сторон, постепенно теряясь из виду в белой мгле. Земля была тверда, и укрывающая ее листва крошилась от мороза. Незримое солнце подсвечивало туман, превращая небо в светящуюся белую дымку. Скох распределил группу в широкую линию, но они шли достаточно тесно, чтобы каждого было видно, по крайней мере, его ближайшему соседу. Драшер держался рядом с Мэкс. Стояла неестественная тишина, нарушаемая лишь звуками их дыхания и движения.

Драшер продрог до костей. Мэкс, одетая в стеганую форменную куртку, одолжила ему свою, подбитую лисьим мехом, и он надел ее поверх собственного непромокаемого плаща. Дыхание образовывало клубы пара в воздухе.

— Оружие есть? — спросила она.

Он покачал головой.

Она вытащила из кобуры подмышкой автоматический пистолет, рассчитанный на стрельбу с близкой дистанции, проверила заряд и протянула ему рукояткой вперед.

Он поглядел на него с сомнением, словно на какой-то новый экземпляр, который предстояло классифицировать. У пистолета было шероховатое матовое покрытие и черная, обтянутая резиной рукоять.

— Предохранитель здесь, рядом со спуском. Если придется стрелять, держите обеими руками и цельтесь низко, потому что толчок при выстреле поднимает ствол.

— Не думаю, — сказал он. — Я никогда не умел хорошо обращаться с огнестрелом.

— Я бы чувствовала себя лучше, если бы вы были вооружены.

— Вы не будете чувствовать себя лучше, если я вас нечаянно подстрелю — что весьма вероятно, если вы позволите мне расхаживать с этим.

Она пожала плечами и убрала пистолет.

— Если погибнете, я не виновата, — сказала она.

— Надеюсь, обойдемся без этого.

Они прошли еще километр или два. У Скоха и его наемников к предплечьям были прикреплены ауспики, сканировавшие местность на предмет движения.

— Когда произошло убийство, как считаете? — спросил Драшер.

Мэкс поджала губы.

— Вероятно, в четыре, четыре тридцать. Внутри тел еще оставалось немного тепла.

— Значит, три или четыре часа назад?

Драшеру казалось очень маловероятным, что существо все еще было здесь. Если учесть привычку Зверя наносить удар и сбегать, он наверняка уже давно скрылся. Но благодаря морозу открывались кое-какие возможности. Земля отвердела, стала жесткой. Могли остаться следы. Драшер следил за почвой.

Они прошли по голым полям, густо покрытым изморозью, и по поросшей лесом ложбине, где опавшие листья смерзлись в скользкую подстилку. Туман, наконец, начал рассеиваться, но внизу, в ложбине, он все еще был густым как дым. Угольно-черные птицы-мясники, вооруженные блестящими крючковатыми клювами, каркали, стрекотали и описывали круги среди верхушек деревьев.

Вдруг Драшер услышал какой-то невероятный звук. Как будто заработал клепальный станок или паровая ткацкая машина. Отрывистое пневматическое шипение, перемежающееся высокочастотным визгом.

Мэкс побежала вперед. Ее вокс-линк включился и затрещал.

— Что это? — крикнул Драшер, торопливо следуя за ней.

Он снова услышал этот звук и понял, что его издавало. Кто-то из людей Скоха открыл огонь из автолазера.

Он продирался через покрытые инеем заросли, пытаясь не отставать от мельтешащей впереди спины Мэкс, которая то исчезала, то вновь появлялась среди деревьев. Дважды он падал на

замерзшей лиственной подстилке, оцарапывая руки.

— Мэкс! Что происходит?

Послышались еще выстрелы. К первому оружию присоединилось второе. Отрывистое «пафф-цвип, пафф-цвип».

Затем ужасающий, гулкий грохот дробовика.

Драшер едва не налетел на Мэкс, когда та внезапно остановилась.

Впереди, на небольшой поляне между лишенными листвы тиндлами, лежал на спине Скох. Казалось, будто его грудь и пах горят, но Драшер понял, что это не дым. Это был пар, поднимающийся от ужасных ран. Его почти что выпотрошили. Тяжелое оружие и часть поддерживавшей его сбруи были сорваны и валялись на другом краю поляны. Яростная стрельба охотника вырвала из земли огромные комья сплавившейся почвы и переломила два небольших дерева.

— Трон Терры... — пробормотала Мэкс.

Драшер ощутил странное чувство, будто он находится в другом месте, будто все это происходит не по-настоящему. Вместе они медленно двинулись к телу охотника. В его руке все еще был зажат помповый дробовик. Конец ствола отсутствовал.

Мэкс резко развернулась влево, целясь из дробовика. На другом краю поляны стоял один из людей Скоха, наполовину скрытый деревом, который стал виден только сейчас. На самом деле он не стоял. Дерево поддерживало его тело в вертикальном положении. Голова упала на грудь под углом гораздо, гораздо более острым, чем мог выдержать позвоночник. Мэкс осторожно приблизилась к нему и протянула руку. Когда она дотронулась до него, тело мешком повалилось на бок, а голова откатилась дальше. Драшер видел, что только крохотный кусочек кожи прикрепляет ее к телу.

Его скрутило рвотным позывом, и он, дрожа, склонился над зарослями травы, чтобы облегчить желудок. В то время как его рвало, на поляну вышли Люссин и другой охотник.

— Что-нибудь видели? — окрикнула Мэкс других мужчин.

— Я только выстрелы слышал, — простонал Люссин. Он не мог отвести глаз от жуткого зрелища обнаженных внутренностей Скоха.

— Вот и все, значит, — сказал охотник. Он прислонился спиной к стволу дерева и обхватил голову руками. — Вот и все, черт побери.

— Оно должно быть близко! Пошли! — рявкнула Мэкс.

— И что я сделаю? — поинтересовался охотник. — Два человека с турболазерами не смогли его убить, — он кивнул на тело Скоха. — Не видать мне чека. Никакой доли от прибыли.

— Это что, все, что тебя заботит? — спросил Люссин.

— Нет, — ответил охотник, — я бы еще хотел выжить.

Он вытащил палочку лхо и крепко затянулся.

— Я говорил Скоху, что мы зря тратим время. Торчим тут слишком долго. А он не хотел этого признать. Сказал, что не может себе позволить списать наши убытки и уехать. На хрен все это. На хрен его.

Охотник распрямился и еще раз затянулся сигаретой.

— Удачи, — сказал он и пошел в сторону.

— Куда ты, черт возьми, уходишь? — потребовала ответа Мэкс.

— Куда нам надо было уйти еще недели назад. Как можно дальше отсюда.

— Вернись! — закричал Люссин. Охотник покачал головой и побрел дальше в туман.

Больше Драшер его никогда не видел.

— Что мы будем делать? — спросил Люссин у Мэкс, бродившей туда-сюда со стиснутыми кулаками. Она что-то прорычала в ответ.

— Один из них успел выстрелить из дробовика, — сказал Драшер. После рвоты голос был хриплый, а во рту стоял мерзкий вкус.

— Вы уверены? — резко спросила Мэкс.

— Слышал выстрел, — ответил Драшер.

— Я — нет.

— По — моему, я слышал... возможно... — тихо пробормотал Люссин, потирая глаза.

— Возьми ауспик! — приказала Мэкс. Драшер не понял, к кому она обращается, но Люссин не пошевелился. Скрепя сердце, он подошел к телу Скоха, стараясь не глядеть прямо на него, нагнулся и начал отдирать ленту, которая прикрепляла компактный сканер к левой перчатке охотника.

Скох открыл глаза и выдохнул облако пара. Драшер завопил и отскочил бы, если бы тот не схватил его левой рукой за запястье.

— Драшер...

— О нет... о нет...

Рука подтянула его ближе. Драшер чувствовал горячую, металлическую вонь крови.

— Видел его...

— Что?

— Я... его... видел... — жидкая водянистая кровь сочилась изо рта Скоха, дыхание было неровным. Глаза охотника были тусклыми и будто подернутыми пленкой.

— Что видел? — повторил Драшер.

— Все эти твари... что я выследил... выследил и поймал... за всю жизнь... для Арен... ты знаешь, что я работал на Арену?...

— Да.

— Никогда не видел такое... раньше... но мне рассказывали... о них... не связывайся... не связывайся с ними... неважно, сколько... сколько Арену заплатят за одного.

— Что это было, Скох?

— Великий... Великий Пожиратель...

— Скох?

Охотник попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на Драшера. Из рта и ноздрей

хлынул поток черной крови, и глаза его остекленели.

Драшер оторвал ауспик от руки мертвеца и поднялся.

— Что он сказал? — спросила Мэкс.

— Он бредил, — ответил Драшер. — Боль лишила его рассудка.

Он поводил ауспиком по сторонам и попытался настроить глубину его поля наблюдения. Пришло немало ответных сигналов от разлетевшихся повсюду приборов, наделавших дыр в папоротниках и стволах деревьев.

Два сигнала исходили с более далекого расстояния. Два покрытых клеем телеприбора прикрепились к шкуре кого — то, двигающегося на северо-запад, всего в полутора километрах отсюда.

— Есть что-то?

— Да. Пойдем.

Мэкс явно задумалась, не взять ли один из тяжелых турболазеров с трупов, но это значило, что придется к ним прикасаться.

— Хорошо, — произнесла она. — Ведите.

— Мэкс?

— Да?

— Наверное, мне все-таки стоит взять этот пистолет, — сказал Драшер.

Они быстро шли по мерзлому лесу, следуя за стабильным сигналом ауспика. Туман уже рассеивался, и выглянуло тяжелое, пасмурное красное солнце, окрашивая в розоватый оттенок заиндеветшие леса.

Когда они ненадолго остановились, чтобы перевести дух, Мэкс посмотрела на магоса.

— Что? — спросила она.

— Я просто думал...

— О чем?

— Скох выслеживал эту тварь на протяжении месяцев. У него было новейшее поисковое снаряжение, квалифицированные помощники. Ни следа. И вот, сегодня...

— Ему не повезло. Черт, всем нам не повезло.

— Нет, — возразил Драшер. — Если бы вы были зверем... разве сегодняшний день не был бы самым удобным временем, чтобы перехватить инициативу и убрать Скоха? Это была его последняя серьезная попытка. Он вышел на охоту вместе с магосом биологис, изменил тактику. Использовал метки.

— Что вы хотите сказать, Драшер?

Тот пожал плечами.

— Я не знаю. Мне кажется, это... целесообразно. Это существо достаточно быстрое и коварное, чтобы делать свое гнусное дело и избегать опасности. К тому времени, как обнаруживается убийство, оно давно уже ушло. Сегодня у нас был лучший за все время шанс поймать его. И что оно делает? Полностью меняет свои повадки и нападает на нас.

— И? — спросил Люссин.

— Похоже, будто оно все знало. Словно оно обеспокоилось тем фактом, что магос биологис и опытный ловец могут вместе обладать достаточными навыками, чтобы представлять для него реальную угрозу.

— Это просто животное. Как вы его там называли? Хищник высшего порядка.

— Возможно. Но оно поступает так, как поступил бы человек. Беглый преступник, который долго избегал ареста, но узнал, что поиск вышел на новый уровень. Он может решить, что как раз настало время повернуться и дать бой.

— Вы говорите так, будто знаете, что это за тварь, Драшер, — сказала Мэкс.

— Я не знаю. Оно не входит в какую-либо классификацию фауны, которую я изучал. Оно не входит и в Имперскую классификацию. Кроме разве что засекреченной.

— В смысле?

— Пойдем, — Драшер встал и быстро зашагал через рощу.

Ветряная мельница пустовала уже пятьдесят лет. Части деревянной обшивки отвалились, а крылья растрескались. Здесь производили муку для всей округи, пока полвека тому назад в городе Юдар не открылся завод с более дешевым массовым производством.

Драшер, Мэкс и Люссин медленно продвигались через густые заросли сорной травы, направляясь к задней части полуразвалившегося сооружения. Приборы слежения не двигались с места уже полчаса.

Мэкс толкнула дверь стволом дробовика. Они прокрались внутрь, в ветхое коническое помещение с бревенчатыми стенами и полами из досок, настеленных на перекладыни. Мельничный механизм протянулся через всю башню, напоминая шестеренки гигантских часов.

Пахло плесенью и гниющей мучной пылью. Драшер вытащил пистолет и указал им наверх. Люссин, крепко сжимая дробовик, начал тихо подниматься по лишенным перил ступеням на второй этаж.

Драшер слышал какие-то звуки. Скольжение. Быстрые мелкие шаги.

Он отступил и прижался к стене. С ауспиком что-то случилось. Возникли помехи, из-за которых изображение на экране скакало. Как будто посторонний сигнал пресекал волны, возвращающиеся к сканеру.

Мэкс сделала широкий круг, подняв оружие и нацелив его в крышу. Люссин добрался до верха лестницы и пошел в сторону, поводя вокруг дробовиком. Драшер пытался добиться от ауспика чистого сигнала.

Люссин завопил и выстрелил из дробовика. Послышался грохот и треск древесины, когда он рухнул с лестницы спиной вперед. При падении оружие выстрелило еще раз.

Он был мертв. Передняя часть его черепа была содрана, и в воздух брызгала кровь.

Мэкс взвыла и принялась стрелять в потолок, передергивая цевье. С каждым попаданием гнилые доски разлетались бурей мелких щепок. Вспышки выстрелов на доли секунды озаряли помещение мельницы.

Среди взрывающегося дерева, проламывая перекрытия, Зверь упал на пол и метнулся к ним.

Он был пятном. Лишь размытым пятном, движущимся быстрее, чем на то имело право какое-либо живое существо. Дробовик Мэкс взревел снова.

Существо двигалось, словно дым на сквозняке. Драшер мельком уловил темный пурпур пластин, защищающих тело, хрящеватый, щелкающий костистый хвост, предплечья,

оканчивающиеся когтями, подобными косам жнеца. Мэкс закричала.

Драшер выронил ауспик и выстрелил из пистолета.

Отдача едва не сломала запястье. Он вскрикнул от боли и досады, чувствуя, как ноет рука.

Используй обе руки, сказала она ему.

Существо отвернулось от Мэкс, застрекотало и понеслось прямо на Драшера.

Оно было прекрасно. Идеально. Органическая машина, предназначенная для единственной цели — убийства. Мощное мускулистое тело, хвост — противовес, косообразные конечности, словно пара мечей.

Нечеловеческая ненависть.

Глаз у него не было, по крайней мере, он их не видел.

Держи пистолет обеими руками и целься низко. Вот что она сказала. Потому что будет отдача.

Драшер выстрелил. Отдача ударила по рукам. Если он во что-то и попал, то этого не было видно. Он выстрелил снова.

Зверь открыл пасть. Радиус укуса в пятьдесят три сантиметра, зубы как иглы. Он замахнулся конечностями-клинками, чтобы убить.

Драшер выстрелил еще раз и еще. Он увидел, по меньшей мере, одну пулю, отлетевшую прочь, отраженную биологической броней Зверя.

Тот готов был наброситься.

А затем его отшвырнуло вбок, прямо в стену.

Существо упало, задержалось и снова поднялось.

Драшер выстрелил ему в голову.

Оно сделало выпад в его сторону. Рывкнул дробовик, отбросив его назад. Мэкс поднялась — лоб у нее кровоточил — и принялась всаживать в него залп за залпом. Она стреляла, пока не кончились заряды, затем выхватила у Драшера пистолет и тоже разрядила его в тварь.

Стены покрывал ихор. Из потрескавшейся костяной брони Зверя сочилась пенящаяся слизь.

— Что это? — спросила Мэкс.

— Я думаю, — ответил Драшер, — что оно называется «хормагаунт».

Но Мэкс уже потеряла сознание.

Вспомогательной команде арбитров потребовался почти час, чтобы добраться до них из города Юдар. Драшер уложил Мэкс поудобнее и позаботился о ее ранах.

С пистолетом в руке он тщательно обследовал зверя. Довольно быстро он обнаружил контролирующее стрекало, имплантированное в заднюю часть безглазой головы.

Когда Мэкс пришла в себя, он показал ей устройство.

— С этим надо будет разобраться.

— Что это значит?

— Значит, что тварь привезли сюда намеренно. Значит, что кто-то контролировал ее, направлял примитивным образом.

— Правда? Кто бы это мог делать?

— Я бы начал с того, что задал пару вопросов епископу и его ручному громиле, Гандаксу. Я, конечно, могу быть неправ, потому что это не моя сфера деятельности, но мне кажется, епископ получил бы много выгоды от того, что внушает его пастве страх перед Богом-Императором. Веру общественности укрепляет что-то реальное, против чего можно объединиться.

— Он специально это сделал?

— Это просто теория. Кто-то сделал.

Мэкс какое — то время молчала. Он мог догадаться, о чем она думает. Начнется расследование и дознание. Возможно, придется привлечь Инквизицию. Каждую составляющую жизни в провинции тщательно проверят и разберут на части. Это может занять многие месяцы. Драшер понимал, что это значит — в ближайшее время он не сможет покинуть Внешний Юдар. Как основной свидетель он должен будет остаться.

Снаружи опять начался снег с дождем.

— Ты, должно быть, наконец счастлив, — тихо проговорила Мэкс. — Эта твоя работа, великая классификация. Она закончена. Ты все сделал.

— Она была закончена еще до того, как я сюда приехал, — сухо сказал Драшер и кивнул на труп зверя. Он прикрыл его куском мешковины, чтобы больше не смотреть на него. — Это не было частью моей работы. Просто курьез.

— Ну что ж, — ответила она со вздохом.

Он подошел к двери мельницы и посмотрел на засыпаемые снегом дикие леса. Льдинки кололи ему лицо. Еще долго Гершом будет держать его в своей ледяной хватке.

— Можно, я поношу ее еще немного? — спросил он у Мэкс, показывая на меховую куртку, которую она ему одолжила. — Зима, похоже, будет холодная.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/665267>